

Наталия ЧЕРНЫХ

Наталия Черных родилась в 1969 году в Челябинске-65 (ныне Озерск). Училась во Львове и в Москве. С 1987 года живет в Москве. Публикации в журналах «Воздух», «Новый мир», «Знамя», «НЛО» и др. Автор нескольких книг поэзии и прозы сборников. В «Волге» печатается с 2009 года (поэзия, проза, критика, эссеистика).

Старый органист

элегия

— он дул в полный ткацкий навой —
стало невидимо ткацких навоев —
скоро пошел — так из страны в страну пешим идут —
да ступени земли
танцевали

то не ветер был — что больше ветра идет на земле —
— топал наверх —
по ступеням

— скорость уже подросла — как ребенок растет —
вдруг заметно
так пара строгих ворон
— погружается в снежное облако —

пыльные тянут ступени назад
сколько на них времени и пространства
сколько воспоминаний чужих

сжав себя в кулак —
— переломив может быть даже смерть —
застарелые недомогания
точно расставив
по местам

перебирать
ему дорогие ступени
ногами
которых и нет уже

только она — длинноного и споро —
в дежурной больничной одежде
бежит по ступеням —
— сквозь встречных событий подъезды —
набухшие от ожидания двери —
закрытые —
как перед носом —
квартиры

из окон уже наблюдаются крыши

пока анфилада начищенных солнцем дверей
не развернется

навой у ткача повернулся
и грозно глядит из-под брови

трубы заголосили – грозно и сипло –
с присвистом снежным колючим

наконец дверь
замшелая космоса дверь
удобренная
миром и всякой надеждой всего человека
ржавый замок растворила

тайны – все тайны веков и богов –
ключьями пыли повисли на двери
дверь вост и призывает
пока не откроется досыта

чтобы ноги бегуны
обратно к Суду поспешили
чтобы Младенец Судья
звезды в темной прихожей рассыпал
детской руки тепло
остывает так быстро

некому праздник устроить Ему
Он и Сам учредить торжество сумеет

Дрогобыч в марте 1992

– воображение нарисовало здесь кофе и вальс –
– а встретил нас дождик –
– арка костела тогда не белела – две играющие рыбы –
кирпич посмотрел открытым лицом
– а внутри было огромно и звучно –
– без увеличения громкости –
– стены того городка – двухэтажные длинные окна –
– или мне так казалось – что окна длинные –
а они были в рамах беленых
– столько звуков неявных – а речь эту помню и нынче –
и наконец абсолютная вмиг тишина
в краеведческом нищем музее

– мы здесь были полдня – пили кофе –
здесь каву пьют как-то иначе
– но городок этот я проезжала нередко –
когда из кулька возвращалась
– брусчатка здесь – даже трава и деревья ее прорастают –

— не очень и помню — арка перед костелом —
быть может — белой была
— но вокруг был кирпич — и брусчатка —
и невысокие стены
— а улицы шли — вниз или вверх —
прямо ни шло ни одной
город с лицом судьбы — но как будто уже не моей

.....
так каштаны перебирают
карие смотрят глаза

Отражение снега в воде зимней ночью

вода кажется темным текучим маслом —
мелкая волна
темнота драпирует волну — а снег высветляет
есть белизна и нет черноты —
текучее масло на взгляд — корица
что за собаки — не крохотные ли кони —
снег оживили — а снег заснул
лишь крупные волны то всходят
повыше в потоке фонарного света —
то проседают от воспоминаний —
дыхание снега свежо

мост окончателен и совершенен
даже летом — в истоме цветущих джунглей —
он так не сиял
берега речки — крыльями — слева и справа
ангелов сонм сохраняет тепло
и способность к зачатию земли
отражаются в речке
временами она неподвижна
тогда снег — на земле — на ветвях
отраженный в воде
открывает окно

снег открывает окно сам —
виден пригород — светлых и низких строений
фонари — там фонарщики спят на перинах
там звенят колокольцы огромных прозрачных карет
храмы будто горят — золотые и алые перья заката
там какие-то люди живут
может там людей нет
или жизнь без людей невозможна

но вода неподвижна — снег отражается в ней
вечной скорби ветвей ничто уже не утолит
но пока я иду по мосту — снег,
его ветви, его появление
память хранят о закате

а наутро мохнатое небо зовет

Мэрилин Монро на корабле

Металлический запах воды в заливе – и мало пресной воды.
Кровь на деснах.
Но это судно напоминает чизкейк
без добавления лишних деталей.
А вот и она, в широких штанах из варенки и белой рубашке.
Она сияет.
Вернее сказать, сияют ее волосы,
а стрелки прищуренных глаз мрачны.
Мэрилин – это солнце и мрак, мушка и дуло орудия.
И она здесь.
Солдатам великолепного флота нечего бояться,
когда Мэрилин рядом.
Когда платина ее голливудской волны
наложена на отверстие солнца.
Мы победим, говорит все вокруг, –
кроме воды и красноватого берега.
Мы победим, говорит эта техника,
которая часто умнее, чем ее солдаты.
Но ни залив, ни пролив с мутноватой водой
не отвечают победе.
Мэрилин поднимается вверх –
ей позволено встать возле флага.
Внизу водоросли чуть касаются основания киля.
И ни рыбой души не видать.
Там, внизу, лица космических звезд Голливуда,
что очень похож на флот.
Но Мэрилин смотрит на берег, рука козырьком,
лицо в круге утреннего светила.
Она горит, не сгорая,
и образ ее уже начинает мерцать зеленым и красным.
Глаза Мэрилин глубоки и темны.
Небольшие глаза сироты из приюта.
Женщины в черных одеждах несут водоносы,
Мэрилин видит их ясно.
Судно ложится в дрейф. Скоро обед.
Рыба-гриль и мороженое.
Мэрилин просит воду со льдом.
Солнце взбирается на вершину своего гнева.
Но она все стоит,
как будто не хочет выходить
из солнечного круга.